

Анатолий Шутый

Сказочная поэма о путешествиях оживших игрушек

Ульяновск УлГТУ 2017 УДК 821.161.1-1 ББК 84(2Poc=Pyc)6-5 III 97

Шутый, Анатолий

Ш 97 Город Дорог: Сказочная поэма о путешествиях оживших игрушек / А. Шутый. – Ульяновск : УлГТУ, 2017. – 223 с.: ил., вкл.

ISBN 978-5-9795-1717-9

Ожившие после потери своего хозяина четыре игрушки отправились в странствие... Они бродили по родному городу и совершили кругосветное путешествие, были в иных мирах и гостили в Сказке... И везде они помогали тем, кого встречали: соединяли людей, дарили радость, помогали побороть несчастье. А еще им открылись тайны мира и человечества: природа души, наше прошлое и будущее, замыслы врагов Добра и то, как противодействуют им Силы, ведущие нас к победам.

УДК 821.161.1-1 ББК 84(2Poc=Pvc)6-5

© Шутый А.М., 2017 ISBN 978-5-9795-1717-9 © Оформление. УлГТУ, 2017

Глава первая, в которой говорится о страшном происшествии и последующем за ним удивительном чуде, соединившем горе и радость.

Начну, пожалуй, не с начала, А как придется – легче так. Начну, как сердце застучало, Как утром делается шаг.

К тому же где оно – начало? Движенье? Мысль? Стремленье? Шаг? Когда от солнца небо ало? Или когда густеет мрак?

Начало в сердце – в жизни стуке! Вот я и слушаю его.

А может быть, в последнем звуке, Когда вся жизнь слилась в одно.

> Не важно, как я рассуждаю – Не в этом смысл, не в этом суть – Важнее то, что начинаю, И это наполняет грудь.

Всё, всё потом на место встанет, Распределится по листам. Что будет... будет уж не тайной. Взглянуть сейчас бы, что же там!

Уже вокруг меня... не *тени* (Тут вспомнил «Фауста» пролог), И дня я не хочу быть с теми, Кто тени здесь – помилуй, Бог!

Я чувствую вокруг дыханье, И на картине алый мак Качнулся будто от касанья... Пора уж начинать. Итак.

О неизвестном ученом, который любил мечтать и смотреть в окно

О нем вы не найдете в томе Энциклопедий. Век уже Он жил в довольно старом доме, И не на первом этаже.

Кем был, скажу немного ниже. Как звали – тоже не вопрос: Не это имя было ближе, Но назовем его мы Os.

Один он был или с супругой, Тут ошибиться я могу: Подробности укрыты вьюгой, Исчезли в прошлую пургу.

> К тому ж не очевидна правда: Душа одна иль не одна, Кому она и в горе рада, И за кого болит она.

Не надо доверяться слогу, Где всё известно одному.

Открыта эта тайна Богу, А нам вторгаться ни к чему.

> В окно любил смотреть подолгу — Так просто или ждал ее... И песню напевал про Волгу... Ну что еще. Пожалуй, всё.

Теперь о главном: он в науке Мечтал плодов своих достичь, И, чтобы «взять жар-птицу в руки», Стерпел бы всё – и кнут, и бич.

Хотел он размышлять о многом В уединении, в тиши, Но тайны были скрыты Богом Для непроверенной души.

Великое мечтал он знанье Дать людям – силу, свет идей, – Но, видно, было и желанье Чуть выше стать среди людей.

Иль оправдаться перед всеми, — За что и сам себя корю, — За всё дарованное время, За боль, за грех, за жизнь свою.

Но за исканья не награда Ждала его, не истин сок, А будто ставилась преграда, Иль, может, просто он не мог.

Не мог, но начинал всё снова — Как средь песчинок муравей — И снова ложным было слово, И мысль, и направленье к ней.

Есть в поисках мученье, право, — Среди камней янтарь искать, И неизвестно, есть ли право Его у моря отнимать.

Так проходили лета, зимы... И снегом улетали вдаль. Полеты их необъяснимы. Нам жаль, что было, и не жаль.

Года быстры – лишь ночи долги. И чья-то шаль, как снежный путь... И память... и игрушки с полки Давали сердцу отдохнуть.

О его игрушках

Забыл сказать я про игрушки – Про увлечение его: Солдаты, звери, нэцке, пушки... Не перечислить тут всего.

Плоды фантазии чудные, Иначе объяснить нельзя, Он говорил, что все *живые*, И все они – его друзья.

Как будто остаешься в детстве Желаньем, поиском чудес... Со сказкой легче среди бедствий, Среди разлук... Труднее – без.

К окошку ставились зверушки, Чтоб знали, время каково. Иль поворачивал друг к дружке, Чтоб не скучали без него.

Неужто всё это напрасно, Фантазии неужто зря, И в яви всё до «ять» нам ясно, И «аш два о» творят моря?!

> И как невидимое нами Запрятать в комнаты орех? Как разместить между стенами Другую жизнь, и боль, и смех?

Иные возразят резонно: Мол, у игрушек нет души, Хоть и река чудес бездонна, Такое ты поди сыщи!

> Не буду спорить и повязку Не повяжу я на глаза — Всё так, но мы же пишем сказку — Вверху фантазий паруса!

А может, Небо и подарит Здесь *неживому* кровь и дух! Один разок, на нашем Шаре, Чтоб дух *живого* не потух!

О страшном и печальном происшествии

И так бы длилась жизнь игрушек – Не знаю: быль или не быль, – Но дом под утро был разрушен. Взорвался, рухнул в камни, в пыль!

Возможно, газ, возможно, бомба — Быть могут тысячи причин... Стояли люди возле гроба Того, который жил один.

А рядом меж камней валялись Они – медведи и слоны... Солдатиков и не пытались Собрать у рухнувшей стены.

До них ли, право; лишь дивиться Возможно – аж в глазах горчит, Когда такое тут творится, Когда... да что там... Помолчи.

Об удивительном чуде, по неизвестным пока причинам последовавшем за трагедией

И незаметно ночь настала, Легла, как говорят, плащом, Покрывшим черных бед немало. Но вот сказать хочу о чём. Когда стал шум от горя глуше, И стих когда набатный бас, У четырех его игрушек Забилось сердце в тот же час.

Одна – Медведь из лазурита, Размером с детскую ладонь. Теперь нога немного сбита, Но в облике добро и бронь.

Вторым был Носорог из бронзы, С огромным шаром на спине. Задумчивый, совсем не грозный – Такой мне виделся во сне.

Солдатик – классики образчик, Подтянутый – хоть на парад! То был симбирский барабанщик – Родного города солдат.

Была последней Черепашка Из пластика, совсем мала. Ах память, ты что неваляшка: Как Черепашка мне мила.

Они взглянули удивленно На небо! Голос сердца стих... Оно торжественно... бездонно... Такого не было у них!

Смотрело небо на малюток, Действительно полуживых... Летело время первых суток Дороги долгой... для *больших*. Там на углу был столб фонарный — К нему игрушки подошли Под слабый свет пустынный, рваный, Как маяка в морской дали.

> Прижались к серому бетону На малом света островке. Простор открыт был только зову На колокольном языке.

Но как понять разливы Зова? И почему они живут? Куда и Кем судьба ведома? Зачем они остались тут?

Не сталь и не подобны воску – Живущие должны терпеть. «Давайте выйдем к перекрёстку, – Своим друзьям сказал Медведь. –

Быть может, встретим там кого-то... И окна светятся в домах... Наступит скоро непогода: Уж птицы жмутся на ветвях.

Здесь неприветливо, безлюдно: Что ожидает у руин?! Конечно, дальше будет трудно, Да только тут – конец один».

Держась друг друга, осторожно, За шагом шаг, за шагом шаг Пошли во тьму... Помилуй, Боже! Наверно, нужно было так. Но никого не повстречали На перекрестке в этот раз, И ни к кому не постучали, А шли всё дальше... в поздний час.

Забились где-то под доскою. Был рядом только Божий храм. И дождь пошел с такой тоскою, Как будто кто-то плакал там.

Заснули. Черепашке только Под шум от капель не спалось. Порой луны светила долька Сквозь дождь и хмарь, и тучи сквозь.

О Муське – черепашке, жившей в семье до описываемых событий

Воспоминания чужие В душе разлились как моря... С другою черепашкой жили И брат с сестрой, и вся семья.

И сердце будто тонет в грусти, И больно, что ни говори, Когда я здесь пишу о *Муське*: Она была как член семьи.

Под батареей небольшою, Не понимая века бег, И с черепашьею душою, «Как самый мирный человек»

Жила, ничем не досаждая, С мечтою о песке, траве...

О солнце без конца и края – Всё это видела во сне.

Под окнами одна сидела На малом света островке И выходила в зал несмело, И засыпала в уголке.

Была как ангел молчаливый, Как старожил и как дитя. Ее под елью схоронили, С трудом проталину найдя.

И вот теперь в игрушке что-то От той души отозвалось — Тех образов живая нота. А с неба всё сильней лилось.

О появлении ушедшего в мир иной хозяина игрушек и открытии тайны происходящего

В грозе мелькнула вся округа, Блеснул как будто силуэт Ее товарища и друга, И заструился добрый свет.

Не показался: действом дивным Знакомый образ рядом был, Свечою он горел под ливнем И, чуть спеша, заговорил:

«Что не давалось, что таилось При жизни прошлой – на земле, –

Теперь душе моей открылось, Как в сказке или же во сне.

За все искания – награда – Мне это знание дано, С ним можно дальше быть от ада, Приблизить духа торжество!

Но знанье донести не в силах Живущим – не открыть мне дверь, – Рукам без крови, пальцам стылым Пера не удержать теперь.

Одна возможность мне осталась: Покуда сорок дней идут, Пока связь с миром не распалась, И силой образов я тут,

Всё передать могу невинным Новорожденным существам, С кем не был злым я и обидным — Всё передать могу я вам!

За словом слово... дальше... фразу... За часом час и день за днем... Нельзя вот так — открыто сразу — Иначе всех спалю огнем!

Природа мне поможет в этом: Гора и степь, реки исток... След на воде мелькнет ответом, Слова отобразит песок...

Пусть не поймете смысл посланья, Вам нужно только всё собрать —

Из «кирпичей» построить «зданье» И знанье людям передать!

Но не прогулка будет – схватка: Судьбина или мы сильней. Так торопитесь: время кратко – Осталось тридцать девять дней!

Поможет Бог и все святые — Пришел я Промыслом Его. Иначе ведь — слова пустые, И будет гнилостным ядро.

Конечно же, и без посланья Светило Правды всё вершит, Но с ним уменьшатся страданья, Добро быстрее победит!

Давайте же идите, дети! Могу назвать так только вас — Одни помощники на свете. В счастливый путь да в добрый час!

Тут образ, что явился дивно, Погас, как дождь свечу залил. Всех Черепашка разбудила И рассказала, кто с ней был.

Сказал Солдат: «Вот это служба!» Медведь слезу сдержать не смог: «В дороге нам поможет дружба!» И улыбнулся Носорог.

О начале путешествия друзей и о растворенных в воздухе голосах из прошлого

Дорога шла немного в гору, Росли кусты невдалеке... Шептали листья: в эту пору Они шуршат на ветерке.

Что тут росло и день встречало, Должно быть, помнило *его*... Меж листьев что-то застучало: *Пульс* заглушить трудней всего.

Шумы от улицы вторичны — Вот пролетели голоса... Еще недавно столь обычны, Теперь — как на сердце слеза.

И эти листья записали, Как в книги жизней шаг и взгляд... И как мы шли, и как устали... Для этих листьев нет утрат.

Лишь здесь уходят речи, лица — Недолговечен этот след. И закрывается *страница* — И листья падают на снег.

Быть новой жизни очевидцем, Иной листок растет весной. И падает потом, и снится... Мы с ними в *повести* одной.

Но *главы* не положишь в папку, Не зачеркнешь, где был не прав...

.....

Они всё дальше шли по парку И вглядывались в лица трав.

Глава вторая, в которой говорится о путешествии друзей по родному городу и о тех, кому они смогли помочь.

Я тоже буду где-то рядом Идти за ними наугад, И буду слышать звон и ладан, Как шепчется под ветром сад...

Я стану вспоминать былое, Что прожил я... или не я... Мне кажется – нас было двое: Со мной была мечта моя.

А ныне добрые малютки Сопровождают разум мой. Пройдем мы век – земные Сутки, Года, как метры, – чередой.

О дороге, что рядом, на которой и мечта, и память

Дорога впереди и сзади, Над ней пространства густота. Кто на бегу с дорогой сладит – Всё скажет с первого листа?

Особенно она тревожна, Как ветер галькой зашуршит... На ней родное видеть можно, Когда в округе ни души.

Вот мой отец спешит с работы И на окно бросает взгляд... Все тихо, лишь Вивальди ноты Звучат во мне семь лет подряд...

Черты возлюбленной мелькнули — Счастливым днем, но не сейчас, — И ветры зимние подули... Дорога разлучила нас.

На ней воспоминаний блики, И образы надежд на ней, И лица... нет, пожалуй, лики – Они июльских дней ясней.

Но для судьбы моей пустынна Теперь дорога за окном. И сердце, будто взор, застыло На теплом вздохе на одном — На той мечте... мне с ней не больно, Ее повсюду я ищу,

И жду я до сих пор невольно И в прошлое не отпущу.

Когда смотрю я на дорогу, Мечту хочу увидеть там, Чтобы с родимыми, по Богу, Быть вместе неразлучно нам. Так, значит, на дороге тут же И явь, и память, и мечты. И время их ночами кружит, То ставя, то снося мосты.

Сегодня я живу мечтою, А завтра – лишь во мне она, И перечеркнуто чертою Всё, чем душа была полна.

> Боюсь совсем ее отбросить, Как смерти близких мне людей. Пусть лучше в сердце будет проседь — Останусь я навеки с ней.

Моя мечта вольется в сказки, Не как обман себя и всех – Она добавит будням краски, Ведь сказкой жить совсем не грех.

Моя мечта, как сердцевина: Она из памяти взросла, Из жизни – из меня, как сына, – Но ей не подыскать числа.

Ее не объяснить годами И наперед не рассчитать. Мечта становится плодами Того, что нам не распознать –

И теплых рук прикосновений, И веры в то, что всё пройдет, А в дни иные и сомнений, Что кто-то нас во тьме найдет. Мечтаю... помню... не забуду – Мой дальний свет и мой уют. *Мечта* и *память* вместе всюду. Они замерзнуть не дают.

Но я отвлекся, не нарочно, Уплыл на облаке-ладье — В стихах, наверно, это можно. А путешественники где?

О приветливом разговорчивом кустике, об отце и сыне

Вначале им казалось жестко Идти вперед, но как могли Они уже до перекрестка, Устав порядочно, прошли.

И всё же я не понимаю, Как удается им идти. Пока за ними наблюдаю – Стоят недвижно на пути.

Но отвлечешься на секунду, Глядишь – они уже не там. Подробно объяснять не буду – Да, непонятно это нам.

Они, как мы, идут как будто (Порою обгоняя стих), Но в «сказке», что идет попутно Вдоль всей дороги возле них.

И могут прыгать через лужи, И оттолкнуть или обнять,

И ежиться, дрожать от стужи, И паутинку с ветки снять...

Всё, как и мы, но тут не видно – Прикрыто сказочным платком. А мне за это необидно – Пойму когда-нибудь потом.

Итак, они у перекрестка — Налево парк, направо дом. Игрушек непривычных горстка Остановилась под кустом.

И куст, слегка шурша ветвями, Заговорил: «Привет! Привет! Издалека слежу за вами. Недавно вышли вы на свет?

> Я что-то раньше вас не помню. Какая позвала нужда, И вышли для чего на волю? Быть может, помощь вам нужна?»

И слова вставить не давал он – Устал стоять и всё молчать: Прохожих было тут немало, Но разговора не начать.

«Как хорошо, что Вас застали, — Сказал Солдатик невпопад, — Точнее, что Вы нас признали, Ну, то есть... В общем, очень рад!» —

«Да, мало кто меня услышит, Вот и молчу я день-деньской. Ведь куст и говорит, и дышит! И часто мается тоской.

Так что вы ищете? Возможно, Зеленый луг, тенистый сад! Я покажу – совсем несложно. Там клены дивные стоят...» –

«Нет, нас ведет другое дело», – Медведь неловко перебил. И Носорог продолжил смело: «Хозяин наш тут раньше был?»

И рассказали всё неспешно, Что ищут и идут куда. Куст переспрашивал, конечно, Вздыхал и отзывался «Да...»

Потом, как был рассказ окончен, Задумался и загрустил. «Я тут стою и дни, и ночи — Кто только тут ни проходил.

И судьбы разные, и лица... Но быстро ускользают вдаль. И пролетают, будто птицы, Чужие горесть и печаль.

Бывает, радость ненароком Промчится шумною рекой,

И в небе чистом и высоком Помашет ангел ей рукой.

Того ж, о ком вы рассказали, Наверно, видел много раз, Но вспомню ли сейчас... Едва ли. Тем огорчу, конечно, вас».

«А кто тут проходил под вечер?» – Спросила Черепашка куст. «И тут порадовать вас нечем: Вчера был перекресток пуст.

Мужчину каждый день я вижу, Но он не тот, кто нужен вам. Он стал как будто чуть пониже. Идет, не различая ям.

Он пожилой и веки влажны, И губы иногда дрожат. По меньшей мере вижу дважды — Идет сквозь парк, потом назад».

«Ну что ж, тогда пойдем, наверно, – Вздохнул Солдат, – пора и в путь». – «Постойте! Буду рад безмерно: Есть просьба – задержитесь чуть.

На перекрестке я посажен, И все бы было хорошо... Бордюр уже порядком сглажен – Стою как будто голышом.

При повороте тут машины Нет-нет и лишнего возьмут, И дальше заезжают шины, И корни уж мои скребут!

А вы камней бы привалили — Валун, кирпич бы принесли Вон тот, неподалеку, или Полегче, чтоб нести смогли.

Вокруг меня сложите горкой. Земли сгребите, наконец. И жизнь моя не станет горькой. И каждый будет молодец!»

«Помочь всегда мы будем рады! И принесем, и укрепим — Не будешь больше без ограды. Хоть что-то мы да смастерим!»

И все кивнули Носорогу: «Поможем! Славно! Не беда!» И понемногу-понемногу Взялись тащить не без труда

Большие камни и коряжки, И щебень, что лежал вокруг. Досталось всем – и Черепашке. Они работали как жук – Как скарабей, что всех сильнее (Ему лишь все они под стать)! Медведь аж стал еще синее, Не разрешив себе устать,

Копал песок, сгребая в кучу, А Носорог кирпич толкал, Солдат тянул большие сучья И Черепашке помогал.

Когда же нанесли немало И разровняли колею, Там фотография лежала — В тетрадке тонкой на клею.

Ее увидели случайно: В земле загнулся уголок. И как-то стало вдруг печально: На фото славный паренек,

Он добродушно улыбался, Подмигивая будто нам, Но в сердце трепет оставался, И стало солоно глазам.

Нет для предчувствия основы, Но взмах его неотвратим. Мы думаем и смотрим снова, Но бесполезно спорить с ним.

В тетрадке и на этом фото Чуть различимые слова:

Помимо даты-места, что-то, Что не расскажет вам глава.

А Черепашка заучила На всякий случай этот текст. Уже под вечер это было, И ни одной души окрест.

Тетрадку положили тут же — Наверно, в метре от куста, Подальше от грязи и лужи — У лопушиного листа.

«Смотрите, тот мужчина в парке, О ком недавно говорил. Вчера в руке не видел палки. Как сильно сдал – смотреть нет сил».

Действительно, тихонько шел он, При этом будто бы спешил. Такой печалью взгляд был полон... Он тут неподалеку жил.

И голова почти седая. Да он уже совсем старик. Куст показал, листвой кивая, Его друзьям и чуть поник.

> Когда тот с ними поравнялся, Вдруг встал, дыхание прервав, И что-то разглядеть пытался Среди пожухлых влажных трав.

Потом, «сынок» сказав тихонько, К тетрадке старой подбежал, Поднял ее он как ребенка, И фотографию прижал.

Понятно стало всем, конечно, — То был его погибший сын. Держал он драгоценность нежно. Не среди улиц и машин —

Как будто оказался рядом С родной душой у Божьих Врат. И мир пронизывал он взглядом, Где сына нет – все дни подряд.

Как осознать: «уже не встретишь» И «никогда здесь не найдешь»? Так почему ты, Солнце, светишь?! Не правда это, это ложь!

Совсем недавно были вместе... И вот отныне – «никогда». Не спросишь, не услышишь вести, Хоть минет радость и беда.

И сердце вдруг осиротело... И беспризорность в нем навек. Душа исчезнуть захотела — Как снег, покинуть Белый Свет.

> Не знает кто, тот не узнает, Как стать на грани двух миров, Как смерть часть жизни забирает, Как не хватает больше слов.

Та фотография, к несчастью, Была одна у старика –

Родной души хранимой частью, Живет он на земле пока.

Он фото положил у сердца И так пошел – с улыбкой в даль. Как будто приоткрылась дверца Туда, где ниспадет печаль.

Земные звуки скоро смолкли. Лежать осталась та тетрадь, Но надписи совсем размокли — Их никому не прочитать.

А Черепашке нашей ночью Во сне сказал пришедший Os: «Ты этот текст запомни прочно: Он – первое, что я принес.

Другое было на бумаге, Но бывший текст преображен От из земли пришедшей влаги, На час один был явлен он.

И ангел нам помог – перстами Сложить слова того листа. Но влага действует часами, И вот – в тетрадке пустота.

Второй отрывок будет в книге Отмечен слезками небес. Потом в воздушной массы сдвиге – Его создаст опавший лес.

А дальше неразумной тварью Текст будет выбит на столе. Потом со счастьем и с печалью Его рассыплю по земле...

Ну хватит – всё свершится после. Уже и утро настает. Незримо я останусь возле Своих друзей. Пора в поход».

Игрушки встали и умылись, Себя в порядок привели, Как с другом, с кустиком простились И по дороге в парк пошли.

О спасенной входящей в этот мир новой жизни

Теперь им виделись иначе И дерева, и горизонт: Был жизнью Белый Свет охвачен, И дали вторил небосвод!

И в хоре мира звук жалейки Тянулся к солнцу, как весна: В тенистом парке на скамейке Сидела женщина одна...

Читала книгу только-только, Теперь же крикнуть не могла — Мучительно ей стало больно, – Она беременной была!

Над нею дерева качались. Прохожих будто ветер сдул. Машины лишь вдоль парка мчались, И стоны заглушал их гул.

> Беда стояла в полуметре, Чтоб обратилась радость в скорбь. И холод ощущался в ветре. Два сердца ускоряли кровь.

Еще чуть-чуть, и жизнью хлынет Она на камни, на песок... И, не родившись, жизнь застынет! Держал лишь ангел волосок.

Без лишних слов и промедленья Наш Носорог рванулся вбок, Как раз наперерез движенью — Остановить машин поток!

Наверное, он мог погибнуть, Раздавленный грузовиком, Но тормоза успели взвизгнуть (Он это понял лишь потом).

Водитель из машины вышел «Валун» подальше зашвырнуть, Но стоны женщины услышал — Она едва могла вздохнуть.

Быстрей, быстрей — уже в кабине! Урчит мотор — в пути уже — О дочке или же о сыне Запели ангелы в душе!

Еще кружила хмарь-тревога, Но вскоре вышла благодать, Поскольку кто-то, взяв у Бога, Страницы жизни стал листать!

> И вышло солнце этой вести! Слезами ж радостной поры Пролился дождик, чтобы вместе Листвой захлопали дубы!

А на скамейке, словно птица, Раскрытой книжица была, И дождик брызнул на страницы, Пометив каплями слова.

Вторым посланьем оказалось Прочтенное из-под дождя. До ночи мало оставалось — Друзья устали, парк пройдя.

О страшном случае, произошедшем с Черепашкой, и о том, что, оказывается, зло идет за нашими героями по пятам и всегда готово напасть

Они у тополя присели, И мирным им казался мир: Моря – без бури и без мели И Белый Свет без черных дыр.

Так видится глазам ребенка, Укрытого родной рукой. Но сказки пронесутся звонко, А что за сказочной строкой?

Пространство мира – поле битвы С навязанной «врагом» судьбой, В сопровождении молитвы, С чужою волей и с собой.

Не темный сброд, а тьма полками От века противостоит, И ранит – не стрелой – клыками, И что ни рана – век болит.

Незримый враг, пройдя сквозь кожу, Разить способен изнутри, Убить твоей же силой может – Смотри! Пожалуйста, смотри!

Но нас не бросят без защиты – Заступник наш Непобедим, И будут о щиты разбиты, Кто встанет против, а не с Ним! У путешественников наших Не может в сердце быть врагов (Ведь слушались, конечно, старших): У «сказочных» закон таков.

> Но и на них уже армады Теней полночных нанесло. И ставятся кругом засады. На жизнь в миру найдется зло!

Когда игрушки задремали – Был беспокойным этот день – Из царства Скорби и Печали Неслышно к ним склонилась Тень.

То царство из ужасной сказки, А сказка — это же не ложь, Из этой сказки черной краски Немало в жизни ты найдешь.

И эти сказочные тени Еще порядком навредят: Снесут мосты, поставят стены... Они уже давно следят.

> Кому в пути бывает гладко? Хоть часто не видать врагов, Незримость — это их повадка, Но видим след от их рогов.

Вот и сейчас к игрушкам тихо Вплотную Тень подобралась,

Схватило Черепашку Лихо И бросила с размаха в грязь!

Потом подкинула над парком, Кружила и рвала со зла, И подлетевши к черным галкам, Со стаей птичьей унесла.

Друзья проснулись – только трое Осталось их среди ночи, И снова было всё в покое, Но шепот слышался: «Молчи...»

Свидетели событий страшных — Деревья, что росли вокруг, Среди домов многоэтажных, Забыли уж, кто враг, кто друг.

«Молчи», – они шептали кроной, Качая головой во тьме. «Гуляет по дорожке ровной

«І уляет по дорожке ровнои Лишь ветер... да и то во сне...

Мы много видели печали На перекрестках и в домах, Но обездвижено молчали И разуверились в делах.

Идет без нашего участья За годом год, и вновь, и вновь. И черный день сменяет счастье, И одиночество – любовь.

И мы всегда, всегда молчали, Как острова в потоке дней, И только ветры нас качали. Наверно, так всего верней.

Наверно, будет много хуже, Когда мы вдруг заговорим: Узлы судеб сожмутся туже. Всё знать – не людям, нам одним!»

Медведь взревел: «Но мы не люди, Нам сказка приоткрыла дверь, Наш путь итак неведом, труден! Вы нам должны помочь теперь!

Мы собираем текст посланья Для всех живущих на земле Великого иного знанья, Чтоб не погибло всё в золе!

Чтоб не настигло истощенье, Чтобы удар смогли снести! А главное, для утешенья: Чтоб знали, для чего идти!»

Деревья тихо зашумели, Наверно, что-то обсудив, И на минуту онемели. Нагнулся клен, заговорив: «Вы убедили – мы согласны: Покажем Тени черный путь. Но встречи с призраком опасны. Готовы? Каждый скажет пусть».

Все закачали головами. «По веткам побежит волна, – Продолжил клен, – как под ветрами, Да устремится как струна

От древа к древу! И покажет, Где друга надо разыскать. Союз дерев так Тень накажет! Но от волны не отставать!»

И зашумели вмиг деревья, Сражаясь ветками со мглой! Сплелись рекой живые звенья – Движенье понеслось стрелой!

Друзья, не медля и мгновенья, Вперед пустились за волной, Отбросив страхи и сомненья — На похитителя войной!

Как руку им пожать хочу я, Ведь каждый меньше малыша. Они бежали, ног не чуя... Да и, похоже, не дыша.

Как будто сзади пламя лижет – По ямам, кочкам, что есть мочь!

Старались быть друг к другу ближе, Чтобы упавшему помочь.

Без стонов и с одною мыслью: «Она ведь всех слабей из нас», — Под звездною бежали высью, Летели — как в последний раз!

Деревьев вдруг движенье встало. А где — во тьме и не понять. И так пустынно, страшно стало, Что дрожи в теле не унять.

Друзья вгляделись, оглянулись По сторонам, назад, наверх... Чуть выше и... и ужаснулись, Аж холод пробежал у всех.

Увидели, не узнавая: Она висела у дупла – Игрушка, только… неживая – Комок пластмассы ночь дала.

> А Черепашка наша где же? Наш беспокойный добрый друг?! Никто из нас с ней не был нежен. Где сердца маленького стук?

Они ее спустили с ветки – Посуше тут земля была. Прижались к ней тепло и крепко... И Черепашка ожила!

Сверкнул на небе алый всполох — Земли коснулась длань Небес... И прежде на Ладонях голых У Бога не один воскрес!

Не описать мне слез восторга — Кто не терял, тем не понять! Оставим их одних немного. Они все четверо опять!

Так неужели счастью нужен Беды, пусть временный, итог? Неужто свет со мраком дружен, Чтоб ощутить ты радость мог?!

Нет, это ложное мышленье: Для радости не нужно слез, И день не требует затменья, Мороз не красит цвета роз!

Когда б не зло, в сто раз быстрее Мы по дороге Солнца шли! И там, где Дух Всевышний реет, Другое счастье бы нашли!

Нашли бы то, что и не знаем, О чем не можем и мечтать! Когда же мы теперь алкаем, Мечтаем голод обуздать.

Мы счастливы увидеть друга, Покуда с ним разлучены, И дом с камином, если вьюга... Но видеть Бога рождены!

> Скорее душу утешаем, Приняв за нужное звено, Мы злу в который раз прощаем, Не зная, что творит оно!

Ну вот друзья и отдышались, Обнявшись, простоявши час. Не знаю я, о чем шептались... Итак, продолжим наш рассказ.

О том, как буря разбросала друзей

Настало утро дня другого. От потрясений отойдя, Отправились малютки снова За тем, что тут прочесть нельзя.

Но ничего не находили – Часы летели словно дым. Все переулки исходили. Был этот день совсем пустым.

И люди проходили мимо – У всех у них своя печаль, Забота их необозрима, Свои начало, путь и даль.

И с каждым можно породниться, Войдя душой в глубины глаз,

О каждом можно помолиться И написать о нем рассказ.

Но и у нас своя дорога, Которая от них вдали, И рядом мы совсем немного: Сошлись на миг... и вот... ушли.

Никто из тех, кого встречали, Моим друзьям помочь не мог. Дворы, дома, кусты молчали. Поник Медведь... и Носорог.

> И день другой таким же вышел, И третий новость не принес. Коты мурлыкали на крыше, И на прогулке лаял пес.

«Наверно, все о нас забыли. Наверно, мы уж не нужны...» От слез прикрыты и от пыли Глаза «виновных» без вины.

А пыль, однако, поднималась — Не уберечь ни губ, ни век... Да это буря приближалась — Уже и горизонт померк!

Уже не видно в полуметре! И как предупрежденье – гуд. Живая сила будто в ветре. Его удары хлещут, рвут!

Вдруг всё затихло на секунды, И показался черный смерч! Кружась, взлетели сучьев груды... От вихря плоть не уберечь! Он рыскал будто хищник – жадно! Не разбираясь, вырывал Траву, кусты... – ужасна «жатва» И пировал смертельный шквал!

И притаиться бесполезно – Моих друзей настиг он враз. Дырою вверх раскрылась бездна – От смерча их никто не спас!

Воронка дух перехватила И, закруживши, понесла, Как обезумевшая сила В неизъяснимом танце зла.

Малютки встретили, обнявшись, Стихии бешеный удар, Быть только вместе попытавшись, Но смерч их сразу разорвал.

И понесло их над домами На рваном сумрачном крыле, Как пух, всё большими кругами... Куда – не разглядеть во мгле.

Но вскорости обмякла скверна — Дел натворивши, столб устал И по дворам, дорогам, скверам Всё, что собрал он, разбросал.

Герои наши, если живы, Теперь уж все разлучены. Березы сломанные, ивы... Дома и те разорены.

Но с этим справятся в неделю, Лишь бы опять не началось. И журналистам я поверю: Без жертв на сей раз обошлось.

А сломанные крыши, окна При той стихии – не беда: Наш век из разных бедствий соткан – Пройдет и это без следа.

Друзей же буря разбросала — Не знаю даже, как сыскать. А может быть, кого не стало. Быстрей бы дальше пролистать.

О том, как разлука может в конечном итоге привести к долгожданной встрече

Давно, назад лет пять иль боле, Четыре друга жили тут — Когда один из них был болен, Другие, не сочтя за труд,

Его насущные заботы Тотчас же брали на себя Без одолжений и зевоты, Да и о долге не трубя.

Они повсюду были вместе. Просить повторно – нет нужды. Хвалили если, то без лести, Когда ругались – без вражды.

Для них любимым стало место, Где шар у клумбы — из кустов (Точнее это неизвестно) — Ходили много там часов.

Тот шар был как-то связан с детством, С мечтами о лесах иных... Возможно, для фантазий средство – Кипучих, дерзких, молодых!

Но что-то у парней случилась — У времени не счесть личин. Не то, чтоб дружба развалилась — Их разлучило сто причин.

Разъехались, сменив квартиры, Да закрутились в суете. Но стали одиноки, сиры. И не сыскать друзей нигде.

По случаю, – конечно, Свыше, Иначе б объяснить не мог, – Тогда у них медведь был – Миша, Солдатик, Муська, Носорог –

Игрушки – как герои наши – У каждого своя была, И вот среди коряг упавших, Среди разбитого стекла

Они увидели малюток, Которых буря принесла, Поскольку не прошло и суток, — Всегда есть сила против зла!

> На разных улицах, но вместе Они подняли странный дар И дружбе верные, как части, Пошли, где был у клумбы шар.

Не знаю, память или слезы... Предчувствие ли повело Туда, где пелась даже проза, Где чудо снизойти могло.

На памятное место дружбы Все сразу – четверо – пришли. Ни дождь и ни дыханье стужи Теперь бы повод не нашли

Не воскресить былое братство — К земле приблизив Неба высь, Вернуть нетленное богатство! Они, как буря, обнялись!

Молчанье было песни краше, Скупые слеза – как хрусталь! И я б испил из этой чаши, И было б ничего не жаль.

Потом расспросы, разговоры, За век как будто бы за весь. Они ушли довольно скоро, Игрушки же оставив здесь.

Герои наши вместе снова, Живые – радость тут проста! Их дружба для того основа. Они плясали вкруг куста!

> И вдруг из сучьев да из веток, Что смерч принес с различных мест, Травы, камней, песчаных меток На клумбе проявился текст.

Непросто было разобраться, Даже увидеть буквы – труд. Но главное всегда – собраться, И в помощь ангелы придут!

Едва заметных знаков уйма — Не пропустить и стебелек, — Но, клумбу изучив до дюйма, Солдат прочесть посланье смог.

Отрывок повторили хором, Еще раз, всё объединив, Чтоб не забыть, и чтоб с укором Финала не звучал мотив.

> И вот уставшие, но с верой, Что нас не одолеть врагам, И день не долог скорбно-серый, Они пошли к другим «строкам».

О том, как случай может соединить двух людей и как этот «случай» был создан

Дорога разве не ведома У нас? Тем более у них. Однажды, проходя вдоль дома, — Где шум спешащих улиц стих, —

На окна глянули вполглаза И взор не отвели уже: Вниманье захватило сразу Окно на третьем этаже –

Там юноша стоял. С тоскою Смотрел на голый тротуар. Картина та была простою, Но взгляд его не молод – стар.

Смотрел... Но как-то безнадежно Глаза порою опускал, Порою улыбался нежно, И будто бы кого искал...

Но снова углублялся в мысли, Смотрел вперед... и в пустоту. И мимо пролетали листья, Покинув древа высоту.

Что в жизни-повести прочел он — Какие дни его нашли? Однако взгляд уж не был солон — Знать, беды не вчера прошли.

Теперь же, тихо удаляясь, Где части сердца быть всегда, Смотрел в окно он, улыбаясь. Что ж, грусть и нам ведь не чужда.

Не слыл он кислою занудой, И бодрым был рабочий вид, Но под сует дневною грудой Нет-нет да сердце заболит.

На обозренье он не ставил, Что лишь ему принадлежит. И мы печаль его оставим — Вторгаться нам не надлежит.

Игрушки же почти родное Увидели в его чертах.
Пускай лицо совсем иное – Глаза в несбыточных мечтах.

Как у хозяина когда-то. Он тоже у окна мечтал... Считаете, что маловато, А я бы это не сказал.

Дается много схожих судеб – Как братья-близнецы подчас. И всё же то, что дальше будет, Покажет не наставший час.

Совсем не думая над сутью, — Познанья дар не всем стяжать, — Мои друзья, проникшись грустью, Решили парня поддержать.

Они хотели, как умели, Потухший взгляд к себе привлечь. Жаль, не могли, а то б запели, Чтоб одиночество развлечь.

Солдатик сел верхом на Мишку И начал под окном скакать, А Носорог большую шишку Стал рогом по земле катать.

И Черепашка в представленье Своих друзей не подвела: Легла на горб без промедленья И закружилась как юла.

Он их заметил ли? Не знаю – Топталось много голубей, И всё-то на дорожке с краю. А плюс, что не было людей.

Ну вот его уж нет в окошке — То наших «цирковых» вина. Но появилась на дорожке... Как звать, не знаю, пусть — Она!

Когда она сравнялась с «труппой», Подумала, что из окна Игрушки выпали всей купой. Поднявши их, была нежна.

На окна посмотрела быстро — Зашторены, и лишь одно... Пускай неприбранно, но чисто. Наверное, как раз оно.

«Кто же хозяин, интересно? — Подумала, – их жаль. Тогда (Что там случилось – неизвестно) Я отнесу их – не беда».

Взошла летящею походкой, Но не решалась позвонить... Была их встреча не короткой — Нашлось, о чем поговорить.

Как много общего бывает, Лишь стоит сердце приоткрыть, — И кто же этого не знает, Но всё в себе хотят сокрыть.

Я забегу недель на двести Вперед – не будем им мешать: Он и она остались вместе. А мог и дальше забежать!

Игрушки где же? Их забыли Довольно быстро. Невзначай На стол рабочий положили Да и ушли пить с тортом чай.

А на столе еще включенным Компьютер старенький стоял, Котищем окруженный черным, Который тоже тут дремал.

И вдруг вскочил он, как от тока, И стал по клавишам стучать — В том не было б большого прока, Но это ангел стал шептать.

Вот так, совсем не понимая, Кот на экране текст явил. Друзья же, ангелу внимая, Прочли... и след уж их простыл.

Ушли тихонько — по-английски, Решив, что всё идет на лад. «Мерси» сказали сонной киске И вышли из дому назад.

Довольные, что день незряшный, Что в жизни возрастет любви, Все стали вспоминать вчерашний Свой мир и век свой... Как могли?

Откуда-то взялись рассказы Про чувства неземной красы – Не улыбнулся я ни разу, Но что-то пряталось в усы.

И ревность вспомнили, и оды, И шепот при ночной звезде... Игрушки... – кто подумать мог бы?! Они успели это где?

Неторопливо шли, гуляя. Нечасто путь покой давал. Чуть виделась Луна седая... Уже и вечер наставал.

О том, как Медведь провалился в колодец, об опасном сумасшедшем и добром прохожем

Когда несчастья и не ждали, Раздался неприятный звук: Железки вдруг заскрежетали — Медведь упал в открытый люк!

> Люк был завален кучей хлама, А крышка сдвинута на треть, — Картонка, миска с дыркой, рама... На это и ступил Медведь.

Настолько всё лежало зыбко, Что если воробей бы сел, Нырнул и он бы в люк, как рыбка, Коль в те секунды не взлетел.

> Наш друг, ударившись о трубы, Упал на ледяной бетон. Свои он крепко стиснул зубы, Иначе не сдержал бы стон.

Все на него смотрели сверху, Но не могли ничем помочь. Они шли, радуясь успеху, И вот уж слезы рвутся прочь.

Взирал на небо из колодца, Тянул к нему дрожащий нос... Уже почти сокрылось Солнце. Беда, похоже, что всерьез. Неужто им втроем остаться И знанье собирать втроем?! Судьбе отдаться? Иль пытаться Бороться с нею, как с огнем?

Да и судьба — Небес веленье? Иль наших немощей итог? В бессилье наше утешенье? И силы явленной порог?

Не столб, что жесткостью исполнен, Судьба – о нас начальный план, Который может быть дополнен! «Не каждый избран. Каждый зван!»

«Я не могу оставить друга! — Сказал Солдат, — уж лучше смерть». — «И мы! Любовь нам всем порука!» Заплакал под землей Медведь.

«Так делать что?! Решайте, ну же!» – «Самим Медведя не поднять». – «Спустить бы что-нибудь поглубже, Чтоб лапой получилось взять».

Пустились в обсужденье с жаром, И только Мишка наш молчал. Он даже показался старым, Лишь головой чуть-чуть качал.

«А как по ветке иль веревке Медведю влезть сюда?! Учти…» — «Он сможет — лапы его ловки, Ведь он же сказочный… почти».

У Мишки загорелись глазки, И дух проснулся боевой – Еще не так бывает в сказке. Он одолеет! Не впервой!

Но ни веревки нет, ни сучьев – Поблизости шаром кати. А тут еще нависли тучи. Быстрей хоть что-то бы найти!

Пошли Солдатик с Носорогом, Осталась Черепашка тут, Чтоб Мишку поддержать немного – Да без нее быстрей придут.

Ходили долго – больше часа: Зашли в подъезды и дворы... Хотели ткань сорвать с матраса, Но все лохмотья так стары.

> Отчаянье уж было близко, Когда зашли в один подъезд – Стояла там для кошки миска И... что такое? Черный крест!

И пять натянутых веревок Крутых пролетов поперек. И если ты не очень ловок, Тотчас же будет кувырок!

Скажу вам, жил тут сумасшедший — Мечтал, чтоб всяк «навек уснул», И вот, решение нашедши, Веревки тайно натянул!

Друзья, что было, всё сорвали, Не зная, «шутка» это чья, И прочь, ликуя, убежали. А тут уж лило в три ручья!

Скажу вам я: машина утром Злодея, что творил дела, И чье сознанье было мутным, В больницу, видно, увезла.

Друзья бежали задыхаясь, Так не бежали никогда! О худшем думать опасаясь, Ведь в люке прибыла вода!

Но что это?! Их Мишка встретил, И Черепашка вместе с ним! Бывают чудеса на свете, А этот случай объясним:

Мужчина, проходивший мимо, Взглянул в дыру. Залез. Достал. Надвинул крышку. «Так терпимо», – Сказал и в ливень убежал.

О том, как игрушки прятались под скамейкой и рассказывали о себе

Лилась вода как будто лейкой! Обнявшись, верные друзья Укрылись тут же – под скамейкой, Но шторм и там разил, сквозя! Ненастью не было и края, Стучали струи по скамье. Тогда, друг друга заслоняя, Прижались бедные к земле.

И вдруг всё стихло в одночасье. Воды ли кончился запас, А может, приняли участье Те, Кто сражается за нас.

Игрушки наши так устали, Что не хотели выходить, И под скамейкой задремали. Не будем их сейчас будить.

Проснулись – было темновато, Слышны лишь вдалеке шаги... Пускай их смелость «в три обхвата», Но отправляться «не с ноги».

Зато есть час для разговора Без хлопотни и беготни. Всё вышло так нежданно, скоро. А кто же, между тем, они?

Они и сами-то не знают — То помнят прошлое, то нет, Обрывки памяти витают, И часть выхватывает свет.

«Себя я помню носорогом... Но для чего зеленый шар, Что за спиной? Знать, даден Богом! Лишь ясно, что я не Икар! Возможно, есть моя планета, Где много листьев, хвои, трав... И шар напоминает это. Но я, скорей всего, не прав».

«А мне порой пустыни снятся, — Сказала Черепашка вслед. — Довольно трудно попытаться Понять, откуда этот след.

Всегда на полке я лежала. Живая *Муська* там была, Но и она пескам чужая: В неволе родилась, жила...

Пустыни, степи... Знать об этом Она мечтала на полу Под солнечным горячим светом, Под батареей ли в углу.

Она всегда стремилась в дали, Пройти за камни стен на юг! А мне просторы сниться стали, Лишь стих ее сердечный стук».

«А у меня на «шкуре» *север*: Льдов и небес несу лазурь. Не пробовал ни мед, ни клевер – Близки мне вихри снежных бурь!

Aх... и мои владенья узки. Мечты... их не могу забыть.

Я только выточен в Иркутске, А как хотел бы там... бродить.

Конечно, я совсем домашний — На глобусе лишь видел nord. Придумки, а не день вчерашний, Всё, что я знаю... чем я горд».

«Зачем грустишь? Мы все такие, — Заговорил в конце Солдат. — Пусть так, но эти дни лихие И нам немало бед сулят.

А кто с бедою повстречался, Тот настоящий и живой! И кто с дорогой обвенчался, Тот обретет в конце покой.

Но это – не покой безделья: Покой, обнявший целый мир И созерцающий все звенья, И слышащий звучанье лир...

А нам до этого далёко — Один поход и жизнь одна. Нельзя расслабиться до срока, Нельзя поддаться зову сна! Мой барабан, как выстрел дзота, Друзей приводит в бодрый вид.

Да, я игрушечный всего-то, Но тот солдат, в ком дух горит!»

О том, как друзья пошли на риск, чтобы подарить ребенку счастье

Как ночь ушла, и солнце встало, У всех закончился рассказ. И на скамеечку устало Присела женщина как раз.

А следом, видимо, соседка, В знак утешенья руку взяв. Сейчас такое видишь редко — Проходят мимо, взгляд вертляв...

«Как твой сынишка?» – «Всё болеет. Сточил последний карандаш…

Ах, как он рисовать умеет! Но ты бюджет ведь знаешь наш...

Ему б коробку штук на двадцать! Он козликом бы заскакал. И снова начал улыбаться, И день, и ночь бы рисовал.

Но это стоит ведь немало, А лишь бы что я не хочу. Дежурств в тот месяц не хватало, Но в этот больше получу.

А в общем-то всё Слава Богу! Ведь трудности на то даны, Чтобы упорно, понемногу "На них выращивать цветы"».

Соседки встали, продолжая Обычный этот разговор:

Беда своя, беда чужая... Потом они вошли во двор.

А наши что? Хоть было рано, Игрушки побрели без сил: Им стало жалко мальчугана, Который рисовать любил.

«Но что мы можем, – рыкнул Мишка, – Карандаши ведь не растут.

Идти искать их – было б слишком.

И где — на свалке? Или тут?»

Так, вяло шли до светофора. Как вдруг один грузовичок Подъехал к светофору скоро, Мыча как молодой бычок.

«Да он же в супермаркет едет! — С чего-то Носорог решил. — Хоть денег взять, конечно, негде, Но нам бы точно разрешил

Хозяин наш такую штуку... Не обеднеет база... склад! Юрист не нам писал науку – У сказок только "зло" и "лал"!»

И зацепились вмиг за кузов Игрушки наши, как репей. И тот «любитель малых грузов» Повез рискованных друзей.

(Но ты, *зацеперов* поклонник, Их трюк не ставь себе в зачет!

Герой твой без мозгов – негодник! Моих же Дух Любви влечёт!)

Друзья чуть держатся, но рады. За них сожму я кулаки! Тряслись недолго – вот и склады: Кругом коробки да тюки.

Но дальше что? Притихли робко — Не обойти всё за сто дней... И соскользнула вдруг коробка — Рассыпалось, что было в ней.

А были в ней наборы красок, Карандашей по двести штук! Мелки, пастель... всё, как из сказок, По волшебству возникло тут!

Карандашей таких не видел Нигде в былые годы я. Детей век прошлый не обидел, Но двести... и мечтать нельзя!

Там менеджер присел со страху, Все загудели, что шмели. Но и друзья не дали маху И «помогли» им как могли:

Схватили по коробке каждый, Как скарабеи, – и во двор! Я не люблю нечестных граждан, Но всё ж другой тут коленкор. Затем в кусты и дальше, дальше... Уже и склады позади! Эх, «несуны» мои без фальши. Врагов их, Боже, осади.

Назад был путь совсем не близкий: Идти за метром метр... пешком... Ведь на коне и небо низко, А без коня и кочка – холм.

Прошли вдоль линии трамвая, Через пустырь и через мост... Шел Носорог, чуть-чуть хромая, Но больше всех коробку нес.

Там «храм» науки был у речки. Как только к ВУЗу подошли, Забилось у друзей сердечко – Причина пряталась вдали.

Быть может, добрый их хозяин Ходил сюда давным-давно. Возможно, – мы всего не знаем, И им всё ведать не дано.

На них смотрели окна зданий И будто бы вздыхали вслед. И будто над дорожкой ранней Плыл детской песенки куплет

О *каплях* тех, что, без сомнений, Отвагу подарить могли, Еще о маленьком *телене*, Которого друзья спасли...

Откуда это, неизвестно. Приходит в голову одно: Такое, видно, было место, И что-то помнило оно.

Когда дошли до поворота, Невзрачный грязный хвост прижав, Лохматое мелькнуло что-то Пугливо, но не убежав.

> Потом опять стал виден носик, Дрожащий под морганье век. И показался рыжий песик, Ускорив чуть навстречу бег.

Он был смешон и несуразен: Болонки сын, но длинноват, Из-под кудрей чернеет глазик, — То ли боится, то ли рад...

Не отставая, чуть поодаль Он за друзьями долго шел. (Я бы ему одежду отдал, Но дух под небесами гол.

Мне не забыть его кудряшки, С надеждой безнадежный взгляд. Я горе жизни пью из чашки — От кипятка глаза болят.)

> «Как с этим делом разберемся, Так сразу повернем назад, Сюда к собаке мы вернемся. Иль я – не я! – сказал Солдат. –

Не знаю, случай что подкинет... Нас не оставит Божий Дух. Иначе этот рыжий сгинет: Мороз ночной сметет, как пух!»

Друзья в раздумьях, но с надеждой И с ценным грузом на плечах Прошли моей дорожкой прежней И у меня уж на глазах.

Идут моих напротив окон. Ах, как им хочется помочь... Но и не крикнуть – я высоко, Уже и разглядеть невмочь.

И перекресток миновали, И много улиц и домов... Скамейка вот, где повстречали Ту женщину... Не тратя слов, Сложили все коробки рядом: Карандаши, пастель, мелки... «А чтобы поняли как надо, Ты пожелания черкни», –

Медведь мелок вручил Солдату. Его тот заострил клинком И написал, поставив дату: «Желаем счастья в этот дом!

Желаем в мире жизни длинной Рисуй и явь! Рисуй и сны! И будь здоров, расти мужчиной! (Друзья из сказочной страны.)»

И стали ждать, чтоб за мгновенье Всю стопку выдвинуть вперед. У них всё выйдет – нет сомненья. А вот и женщина идет!

Восторг смешался тут со страхом, Что это розыгрыш и ложь, Что радость обратится прахом, А на ладони будет грош.

Такой подарок – и не снится?! С молитвой тихой на устах, Держа так, словно это птица, Она домой ушла в слезах.

И путешественники рады: Кому-то их мытарства впрок. А где ж посланье – где награда? Добро само – и дар, и долг!

Бывает, мост к спасенью тонкий, И ты среди его опор... Друзья вернулись к собачонке, Хоть и спешат – не к месту спор.

О спасении бедной собачки

Но рыжий чуть привстал при встрече.

Надежды сдуло – не собрать.

Уж наступал холодный вечер,

И ветер звал в свою «кровать».

Живая тварь покою рада –

В глазах слеза: «Прощай... прости...»

Медведь сказал: «Кого-то надо

Сюда скорее привести!»

И к тротуару побежали...

Как раз мужчина шел с сынком.

Удача, что недолго ждали!

Но как позвать? И что потом?

Метнулся Носорог под ноги

И шар свой скинул со спины –

Шар покатился по дороге.

(Так вот зачем Дары нужны!)

За ним пошел мужчина с сыном,

А он к собачке завернул...

Его был путь не очень длинным — Потом подпрыгнул и нырнул.

У ног лежал наш пес замерзший. От страха только чуть рычал. Погладил сын: «Ты мой хороший...» Стоял мужчина и молчал.

И слезы капали на лапку, И боль была в земле самой. Отец на руки взял собаку И прошептал: «Пойдем домой».

И сразу же теплее стало: Молитва к Богу поднялась. Судьба страницы пролистала, И смерть, что подошла, сдалась.

Они ушли в объятьях счастья, Их окружила Благодать! Закон спасения – участье. С любовью злу не совладать!

Друзья присели тут же молча – Тяжелый груз с души упал. Уж выплывали звезды ночи, Как свежий ветерок напал.

Взметнул он вверх клочки бумаги, Поднял опавшую листву... И проступили слоги, знаки, Соединяясь на лету!

Посланье плыло над округой, Сменялась за строкой строка. (Непросто овладеть наукой Читать, что шлет Святых рука.)

Друзья запомнили дословно Полет листвы... И на заре В мерцанье звезд, младенцы словно, Заснули тут же – на земле.

Об атаке зла железными зубами, огнем и водой, которая завершила первое путешествие друзей

Они проснулись от рычанья: Огромный трактор землю рыл – Машины страшное звучанье, Как тысячи кабаньих рыл!

> Зловещей сыростью пахнуло – Друзей засыпали комки. Не слышно ничего от гула. Подняли их ковша клыки.

И бросила слепая сила, И понесла невесть куда! Земля собой весь свет закрыла, Сковала весом без труда. Земля — основа этой плоти, Земля — вместилище могил, И никого здесь не найдете. Найдется только слово «был».

Могли ли что сказать? Едва ли – Песком осыпался бы стон. Для погребенных в самосвале Остановился ход времен.

Куда их? В яму? Иль иное Сегодня ожидать могло? Возможно, действо колдовское Свое внушение дало.

Неслась машина через город! Ее услышал за версту — Под сердцем отдавался грохот. Она направилась к мосту!

Когда осталось уж немного, И позади была гора, Когда уже виднелась Волга, В проводке прыгнула искра!

Большая скорость у атаки Огня, идущего «на вы» – Машина вспыхнула как факел, И пламя разрывало швы!

Огонь пронизывал и кузов, Вгрызался в камни и металл... Меж ним и светом ложны узы: У смерти он начало взял.

Он – постоянное движенье! И языками лижет ткань... А путь его уничтоженье. Уже огня нависла длань

Над нашей сказкой, нашей лирой, Всегда готовая терзать!
Ты помоги нам, Яснокрылый, Мечты из пламени изъять!

Друзей моих, прошу, от лиха, От слез невидимых спаси, От неуслышанного крика, От прекращения пути!

И самосвал на мост ворвался, На скорости отбойник сбив! Водитель править не пытался – Он спрыгнул и остался жив.

Тотчас же сбита и ограда – Теперь обочина пуста. И небольшой частицей ада Машина рухнула с моста!

И вот сомкнулись волны Волги – Она на дне, а гладь над ней. Где ж наши рыцари дороги? Вы отзовитесь поскорей!

Глава третья, в которой говорится о чувствах и переживаниях, охватывающих душу при переходе между мирами.

Событий роковых стеченье От погребения до дна. Но всех друзей несло теченье, И за волною шла волна.

(Конечно, для героев наших Те волны хлада и огня Не все понятны: эта чаша Для нас, а больше – для меня.

О страхах из иного царства, Что душу треплют, как свечу, Когда воздушные мытарства, Я в нашей сказке умолчу.)

Волной возникло **отчужденье**. Все голоса удалены. Вне жизни плавное скольженье В глубинах тьмы и тишины.

Но это не дитя покоя, А сгусток тяжкой пустоты. Кто раньше чувствовал такое, В любой траве найдет цветы. Необъяснимая тревога Таится в той волне немой. Но чужда для нее дорога: Она вокруг встает стеной.

> Нельзя внимать, нельзя ей верить, А нужно просто переждать, И распахнутся скоро двери — И свет придет освобождать!

За отчуждением – бессилье:

У воли кончился заряд. И как бы жарко ни просили, Возможностью не одарят.

Ты – только голова без тела, Бездействия тупая боль. И что душа б ни захотела, Ответом будет только ноль.

Одни глаза, лицо без слова. И чудо прошлое – «сказать». Душа твоя как будто гола. Уж лучше ничего не знать.

Ты ныне только созерцанье — Ни поддержать, ни изменить. Бессилье — тоже испытанье, И это надо пережить.

А дальше следует **безверье**: Высоты пали у небес,

У птицы каменные перья, И на востоке свет исчез.

В душе не музыка, а топот. И вытравляются стихи. Берет свое порочный опыт – Потухшие глаза сухи.

Закрылось сердце и остыло Пустого дома посреди. Забыто даже то, что было, Поскольку темень впереди.

Напрасен день, и жизнь напрасна – Казнит безверье без суда. И сверху смотрит безучастно На землю мертвая звезда.

Отчаянье уже созрело — Шумит ударная волна. И слово в песне онемело, И лопнула твоя струна.

Мятущийся в пригоршне разум. Желанье более не быть. Пускай всё завершится разом — В небытие совсем уплыть.

Обман в заре, обман в рожденье... И невозможность день вернуть. Опор, фундамента крушенье. Копьем итог, вошедший в грудь. «Переломать бы плоть без стона... Зачем рука?! Зачем хребет?!» Волна отчаянья бездонна. Молитесь! — лишь один совет.

Стремленья пик небесный сколот. Растоптан ангела росток. И всё охватывает холод. И цепенеет кровоток.

Богооставленность на коже, На каждой клеточке тебя. Звезда огонь уже не вложит. И не поднимет рог, трубя.

Один лишь холод неизбывный, Где одиночество царит. Убьет и взмах крыла невинный, И заморозит снега вид.

Не верь – ты сам источник стужи. И ангел плачет у дверей. Тебя там ждут, и ты там нужен. А холода волне не верь!

Когда же дух, готовый падать, Цепляется за стебелек, Спасением приходит **память**: То, чем ты жил и что сберег.

Далеких лет обычный образ – Ты вспомнишь всё, ты не забыл – Родного человека голос, В тебя он верил и любил...

Тот теплый день... и вечер... помнишь! А как вы шли... улыбку глаз, И день последний не прогонишь – Ты этим днем живешь сейчас!

А как боролись вы с метелью, Когда к груди он прижимал. А рядом как с его постелью Стакан воды тогда стоял...

Хранятся в сердце те мгновенья И не дают тебе пропасть. Приходит память как спасенье – Небытия слабеет власть.

Как стыдно видеть Образ Высший. Раскаянье — ответ на Зов Святых к душе почти погибшей. Ты открываешь им засов.

Сам для себя желаешь кары! Лежишь, как воск, у Ног Творца. Но не бураны и пожары — Тепло исходит от Лица.

А **сты**д от этого сильнее — Хоть сердце вырвать и отдать! Уже и руки онемели... И начинаешь ты рыдать. Всю грязь с тебя смывают слезы... Сыновий образ возвращен! Ты под собою видишь звезды И понимаешь, что... прощен.

Когда исчезло, что давалось, И от утраты дух болит, То в дар Отцу одно осталось – Твое раскаянье и стыд.

Раскаянье, очистив образ, Вслед за собой **любовь** несет, Как будто пробуждая голос В тебе с Божественных Высот!

> Дороже этого не будет. Для этого лишь надо жить. «Любовь всё терпит и не судит...» Она – связующая нить

С тобою всех, тебя со всеми, Она и радость, и печаль, Она – закопанное семя,

Она – и свет, летящий вдаль.

Увидишь в близком человеке Касанье ангела зари. Но даже в этом смертном веке «Далеких» нет — ты посмотри!

Ты посмотри на незнакомых, Отца и мать в них разгляди – И воздух в горле встанет комом. В самом себе **Любовь** найди!

Потом обнимет воздух нежно. Недавняя растает хмарь. Так возрождается надежда На день, на жизнь, на мир, на даль!

Быть может, шёл ты не напрасно, И был вчерашний день не зря. А завтра в небе будет ясно, И встретит новая заря.

За жизнь, что плохо получилась, Поставят где-нибудь «зачет», И, что совсем не так случилось, Теперь – ничто, теперь ни в счет.

И будет мир в душе, и в мире, И правда Света победит. Война свои спалила мили И больше не заговорит.

А дальше – даль, ей нет предела, Не прекратится Древа рост... Надежда свечкою горела, И вот она уж ярче звезд!

Основа для надежды — **Вера**: Доверие во всем к Нему, И что настанет Божья Эра Во всей Вселенной наяву.

Пускай сегодня тучи града, И шквал огня, и дождь свинца, Не встанет для нее преграда! Не будет для нее конца!

А главное, что и под градом, И в море человечьих бед Всегда **Отец** с тобою рядом, И через тучи льется **Свет**.

Нет силы, что сильнее Веры, Ее частица – как скала, К ней не подходят наши меры, Она бы сдвинуть мир могла.

Она в сердечной сердцевине Готова крылья распрямить. Вчера – тиха, как солнце – ныне. У Веры в **Бога** жизни нить!

И в кровь струится Славы **Сила**: Ты вместе с Богом — можешь всё! Она дорогу озарила! Пространство, время — всё твоё!

Готов сразиться с тьмою ночи И мира ось к земле пригнуть. Но только одного не хочешь – Глаза от Бога отвернуть.

И с этой силой Свет в союзе – Она сама рождает свет.

Твоя душа – меж ними узел: Завет Господень — твой обет.

> И ко всему теперь причастен. Для силы зла непобедим. И бесконечен, и всевластен, Поскольку с Богом ты един!

Пройдя сквозь смерти испытанье, Приходит с силою **Покой**, Приходит **Мир** в твое сознанье — Ты вечен и теперь **Живой**!

Прошли мы с вами то, что должно: На свет сквозь мрак, на Зов сквозь стон. Преодолели, что возможно, А где нельзя, помог нам Он.

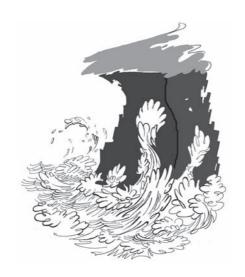
> Прошли мы всё с друзьями вместе, Которых унесла Река. И вот они не в этом месте, А там, куда спешат века.

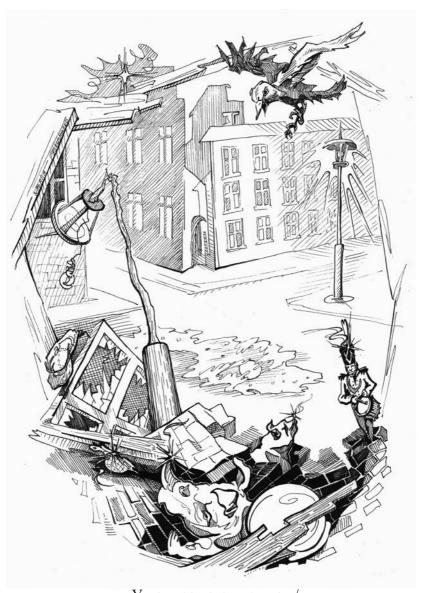
Они безгрешны, словно дети, Но испытали путь людской, Ведь это мы за всё в ответе, А с ними связаны строкой.

> С малютками, как пуповиной, Соединен стихами я. Отсюда переход их длинный В те недоступные края.

О Анатолий Шутый 9

Теперь герои, что, быть может, Вчера лишь видели мой дом, В пространстве тех, чей век уж прожит, В ином пределе — неземном.

У четырех его игрушек / Забилось сердце в тот же час.

Там на углу был столб фонарный —/ K нему игрушки подошли...

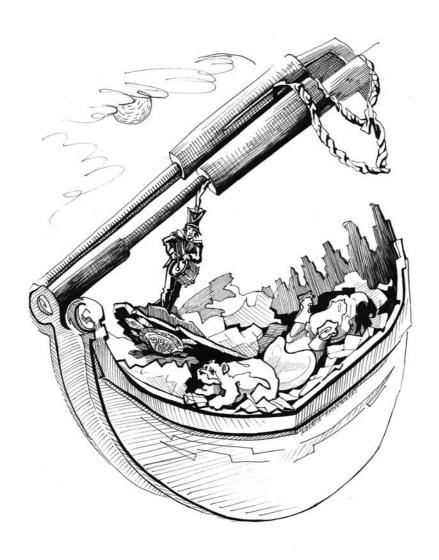
Наш Носорог рванулся вбок, / Как раз наперерез движенью...

Он был смешон и несуразен: / Болонки сын, но длинноват...

А вот и женщина идет! / Восторг смешался тут со страхом...

Не слышно ничего от гула. / Подняли их ковша клыки.

Но всех друзей несло теченье, / И за волною шла волна.

Там наверху гуляет ветер! / И человек! Ужасный вид!»

Держа друг друга в оправданье, / Сползают, как живая сель.

И в океане островами / Повсюду образы стоят...

Какие люди здесь чудные: / Свет за окном – они все спят!

На Небе был его исток! /.../ Отсюда начинались вехи / Еще не пройденных дорог...

Глава четвертая, в которой говорится о путешествиях друзей в ином мире, где огрехи человеческой жизни и души становятся эримыми, формируя окружающее.

Был первый мир, к земле ближайший, Наполнен грустью и тоской. Мы редко прозреваем дальше За той мифической «рекой».

Здесь будто бы всё время осень, И листья падают с дерев. Сюда печаль свою уносим Мы, в одночасье онемев.

Здесь облака закрыли своды Невидных ранее небес. Сюда уносим мы заботы, Но день, спешащий, тут исчез.

Однако тут берет начало И радость будущих веков: «Ты жив! Хоть *там* тебя не стало». И «...больше нет земных оков!»

О человеке, попавшем в яму своих тяжелых воспоминаний и угрызений совести

Когда друзья передохнули, Прошли лужайку вдоль ручья. Не очень сильно ветры дули, Но так, что гасла бы свеча.

> В округе было одиноко, Докуда видно – ни души... Журчанье лишь воды потока, Как будто бы: «Скажи, скажи...»

И отзывалось: «Слишком рано...» – Должно быть, ветви на ветру. Но не казалось это, странно, – Здесь так бывает поутру.

А дальше ветер пел ли, плакал?.. Иль разговаривал с листвой?.. И что-то становилось жалко — Хотелось выкрикнуть: «Постой!..»

Но звуки ветром удалялись. Последнее: «Прости, прости...» И ветки только наклонялись, Поскольку не могли уйти.

У Мишки рана заломила, — Забыли мы о ней давно, — Наверное, нога застыла, Вот и болит — не мудрено.

Присели под ветвистой кроной, А то Медведь совсем уж сник (Хоть вид поддерживал суровый), Как услыхали чей-то крик.

Медведь уж и забыл про ногу. Собрали волю все в кулак, Вскочив и пробежав немного, Они наткнулись на овраг.

> Его края почти отвесны, А скользки, будто под дождем, И было хоть довольно тесно, Метался с криком кто-то в нем.

Мужчина землю рыл ногтями, Но вновь и вновь срывался вниз, Сгребал комки с травой локтями, И от досады корни грыз.

> На дне порою падал в лужи. Но от стараний и труда Он только опускался глубже. Ему не выбраться сюда!

Когда увидел он малюток, Сел на коленки и затих. «Я тут довольно много суток...» – Сказал он, озирая их.

«Уже и воля стала таять. Я не могу идти вперед.

Овраг моя проела память – Похоже, что ее он плод.

Вина и боль не отпускают: Ошибок в жизни натворил. Всё глубже ноги утопают. Ступайте мимо – нету сил!»

«Ты поподробней расскажи нам, – Сказал Солдат. – Мы подождем. И отдых дай несчастным жилам! Не горячись – потом уйдем».

«Всё рассказать себе не смею. Одно и то же колесом Идет, идет... а я слабею. Ну почему судьба – не сон?!»

Когда сказал, ему на руку Упала бурая слеза. «Прощенья нет! Уж лучше муку! Как мне смотреть на образа?!

Теперь сидеть мне здесь — в овраге. За всё зубами грызть себя...» (От вечной ночи был он в шаге, Себя и Небо не любя.)

И рассказал, что мучит ныне: Пришлось уехать от жены, Еще он рассказал о сыне — Ни в чем он не снимал вины.

Нет, нет, он не ходил «налево» – Ушел, – «причин на целый взвод», – Потом супруга заболела И умерла под Новый год.

А сына плавать заставлял он: «Здоровым будь!» – свое всё гнул, Шлепков тогда раздал немало, И сын на речке утонул.

И матери, когда был приступ, Не вызвал вовремя врача: В квартире стачивал он выступ, «А то скользила дверь, стуча»...

Впервые вслух он всё поведал, Всё произнес, что сердце жгло, Впервые в память шли с ним следом, Впервые слушали его.

И в горе что-то надломилось: Покой послали Небеса. Душа Там тихо помолилась, И чистой капнула слеза.

Вверху раздался голос дивный, Прозрачный колокольный звон, И прозвучало над долиной: «Тебя здесь любят – ты прощен!»

Когда лилась повсюду песня Неописуемой красы, Спустили вдруг из поднебесья Три виноградные лозы, Как знак надежды, знак участья И как прощенья зримый знак, Чтобы теперь поверил в счастье, Ростки сошли к нему в овраг.

Вошли во дно живые корни, И листья начали расти. И будто в сказке — очень скоро — Они смогли его спасти.

Не замечая раны, шрамы, Сжимая ветки, полз наверх. Несчастный выбрался из ямы И в вышине увидел всех!

> Его родные ликовали, Что истекли разлуки дни, Дождинками песок смывали, А после молвили они:

«С тобой сейчас герои сказки — Им надлежит пройти миры До Высшего, где Света краски Рисуют звездные шатры.

Где должно, им дадут посланье, Ну а потом вернут назад. Ты помоги им в испытанье – Иди за ними наугад».

Глаза мужчины были влажны. «Я счастлив мира посреди! Мне дали руку – вы отважны! Пойдемте! Что там впереди?!»

О человеке, плененном стеной собственных научных идей

А дальше были камни всюду — Тропинку хоть бы разыскать. Пройти тут трудно и верблюду, Лишь стоя можно не устать.

И с очень гладкими боками, И будто бы дракона клык, Тех воды гладили веками, Иных размножил взрыва миг.

Тут были желтые, как глина, И были бурые, как кровь... Дорога даже пусть не длинна, Ты всё же к шишкам лоб готовь!

Вблизи приходят мысли сразу, Что ими выложен узор, Но если всё окинуть разом, Понятно станет: это вздор.

Камнями выстлана поляна, И ничему здесь не расти. Земля раздавлена и рвана. Скорей бы дальше нам пройти.

«Смотрите! – Носорог заметил, – Стена огромная стоит. Там наверху гуляет ветер! И человек! Ужасный вид!»

Как только он туда забрался? Под ним, наверно, метров сто! Он больше слезть и не пытался.

Друзья окликнули: «Ты кто?»

«Ученый я, еще философ — И надо поискать смелей! Решил я множество вопросов, Создал я множество идей!

И я построил эту стену: Идея – камень для нее. Я не творил в науке пену И не дублировал старье!

Я клал всё выше пункт за пунктом, На антитезу – тезу, чтоб Осталось детям, даже внукам! И чтобы зря не лечь мне в гроб.

> За положеньем положенье Сбивались крепко в монолит, И устремлялось вверх движенье! В раствор ее мой разум влит.

Я сам себя поднял на "крышу"! Моя стена – и есть мой приз!.. Но я отсюда плохо вижу И не могу спуститься вниз.

А если честно, я несчастен — Себе уж надоело врать — Я ничему не сопричастен, И стену мне не разобрать.

Мне не пройти отсюда дальше. Выходит, Истины не знать. Всегда я был противник фальши, Но и отвергнул Благодать».

Друзья ответили: «Поможем! Ведь ты сказал: "Идти хочу!" А мы твои желанья множим, И значит, всё нам по плечу!»

Но всё же это было сложно: На сантиметр, дюйм ли, пядь Из основанья осторожно За камнем камень убирать.

Как удавалось взять пониже И удалить тот камень вон, Всё становилось много ближе, Ведь был у основанья он.

Малюткам помогал попутчик, А без него не одолеть Ту стену, что дошла до тучи. И вот ее уж нет на треть!

Потом был в силах сам философ Снимать каменья наверху. Теперь ему давалось просто – Как за строкой убрать строку.

Он наконец-то смог спуститься, Но стенка рухнула не вся: Чего-то ведь он смог добиться, К чему вела идей стезя.

Вздохнув свободно полной грудью, Ведь горизонт был на виду, Сказал он с чуть заметной грустью: «Я тоже с вами вдаль пойду».

О людях, схваченных деревьями тягостных сомнений и неверия

И шли они довольно долго, Как встал пред ними странный лес. Всё объяснять – не будет толка, А кратко: *неустойчив вес*.

> Стволы дерев к земле сужались: Внизу – как жердь, вверху – как столб, И кроны мощные качались, Как акробат, не рухнуть чтоб.

И не напрасны опасенья: Вокруг их много полегло — Они лежали, словно тени, Сломавши ветки, как крыло.

Кого-то, может, придавили, И он под ними погребен. Тут ветры над ветвями выли И брали мужество в полон.

«Послушайте... Да это стоны, – Сказала Черепашка вдруг. – Смотрите, сквозь заслоны кроны Проглядывают кисти рук!»

Действительно, кого-то ветки Обвили, будто бы удав. Движенья «жертвы» были редки – Обмякло тело всё, устав.

Когда зажатый древом понял, Что мы заметили его, Он голову немного поднял И прошептал: «Всё от того...»

«Всё от того, что сомневаюсь, Не верю в радостный итог. И вот... ветвями обвиваюсь. Мои сомненья – их росток.

> Ведь тут растут леса сомнений. Ветвистых крон не побороть. Бесплодно время наших бдений. Душа съедаема, как плоть.

Сомненья наши нас пытали — Корявый плод внушений злых — Здесь многие под ними пали. Бегите, чтобы быть в живых!»

Солдат сказал: «Уйти успеем. Ты не спеша послушай нас. Хоть красноречья не имеем, Ты всё же выслушай рассказ».

Я пересказывать не стану – Вы это всё прочли уже.

То было как бальзам на рану – Полегче стало на душе.

Еще держали ветви прочно, Но получили здесь отпор. Они ослабли — это точно. Героев с ними краток спор!

Ведь говорили о победе Малютки, меньше башмака. И всё в другом предстало свете, И крепла пленника рука.

Он сам, поверив во спасенье, Кривые ветки разжимал. И падали сучки сомненья. И на свои он ноги встал!

«Но подождите, недалёко Я слышал стоны и мольбы: Сомнений тягостных порока Томятся бедные рабы».

Друзья прошли по этой чаще — Не зря спасенный говорил, — Нашли двух женщин, чуть дышащих, И юношу — он весь застыл.

Теперь справляться было проще И разжимать ветвей щипцы: Дерев похожих много в роще – Как будто братья-близнецы.

Одна победа — это выстрел По ста ветвящимся червям.

И падали сомненья быстро К засохшим на камнях корням! Потом спасенные с друзьями Покинули коварный лес, Где души сдавлены ветвями. Где неуверенности пресс.

О людях, увлекаемых потоками страстей

Прошли немало, только сколько? Иначе время здесь течет: Там – день, у нас – минута только, А может, и наоборот.

Встречали путников порою, Которые спокойно шли (Я б не был среди них – не скрою – Не все так жизнь прожить смогли).

Встречали тех, кто на подмогу Из высших сфер спешил назад, Чтоб наконец-то понемногу Дорога грешных шла на лад.

Не только ведь друзья старались Спасти «застрявших» меж миров — Для бедолаг, что здесь остались, Пребудет Помощь и Покров.

А между тем ветра крепчали, Кружились словно на балу (Не то, что было там – вначале) И поднимали пыль в пылу. И ручейки кружили тоже – Потоки вили кружева. Порою их пустело ложе, Как будто бы вода жива.

Гуляли речки по долине, Стараясь путников залить. Не прочертить для русла линий, Не протянуть границы нить.

Смотрели волны прямо в очи И, повстречавши слабину, Росли и становились громче, И вот уж не унять волну!

Те воды составляют чувства: В волнах волненья, страсти, страх! Они спешат дойти до буйства, Их не удержишь в берегах!

Хватают, кто неосторожно Приблизился вплотную к ним, И вот биенье сердца ложно — Взлетели брызги словно дым!

И рвут несчастных, как гиены, И тянут, ухватив за бок! Потом проходят в жилы, вены, Чтоб кровь добавилась в поток.

За этим – страшная личина, Тут одному не совладать, И многих увлекла пучина – Теперь и руку не подать. «Вон человек за поворотом! Накрыли волны... сдался... сник...» И Носорог немедля рогом Поддел его за воротник!

> Но чуть и сам не канул в бездну: Удары вихря сбили с ног — Друзья и путники железно Его схватили, кто как мог!

К спасенному пришло сознанье – Шептал, чуть открывая рот: «Я уж подумал, на закланье Меня пучина приведет.

Мои товарищи погибли, Я был от тьмы на волосок. Когда решалось "или-или", Подумал: "дух мой не высок…"

Потом – быстрее. И в мученье Решил я, где моя стезя. Так понесло меня теченье, А выбраться уже нельзя.

Теперь я вновь смогу заметить Раскаты света на заре, И солнце вновь смогу я встретить... Пойти по утренней поре!

А кто вы, за кого молиться Я буду у Верховных Врат?! Чьей волей стало сердце биться, Кому могу сказать я: "Брат"?!»

Когда друзья, не без смущенья, Вели рассказ о днях своих, Несло кружащее теченье Другую душу мимо них!

Солдат ее схватил покрепче, Но волны выбили из рук, И дотянуться было нечем — Помог тут крюк бы или сук.

«Так неужели гибель скоро И не спасти ее от мук?! Смотрите! Подплывает снова: Потоки совершили круг!»

Друзья и спутники прижали Друг друга в крепкое кольцо И посреди потока встали, Не пряча от беды лицо!

И захватили будто сетью Того, чью душу жаждал рок! Поток хлестал по спинам плетью, Но сделать ничего не мог.

Когда спасенный отдышался, Пришел в себя, точней – к себе, Друзья и все, кто повстречался, Пошли по высохшей тропе.

О том, как наши путешественники чуть не погибли в толпе

Как странно, путь всё шире, глаже — Уже почти как магистраль!

Идти легко, приятно даже. Не все пути такие – жаль.

> Уже несет сама поверхность — Летят все будто бы с горы... Нет, всё же лучше постепенность: Так — безобидно до поры.

Да это же движенье в пропасть – Его уж не остановить! Похожая на чрево полость – В нее должны мы души влить.

На дне ее черна порода И эхом отражает звук. Повсюду множество народа. Встают и бьются волны рук.

Бранятся толпы и стенают! Но окружает их стена. И каждый миг тут умирают, Сливаясь с черным камнем дна.

Нет, нашим не спастись героям. А тут еще, увидев их, Метнулась с воем *масса* роем, Чтоб в тот же миг пожрать «чужих».

Такой беды я и не мыслил, «Что будет?» – больше не вопрос! Но ангел – будто с неба выстрел – Собрал крылом всех и унес.

«Они сюда пришли толпою, – Сказал он голосом простым. – Кто с бунтами, а кто с войною – И Свет им уж давно постыл.

Всем вместе впасть в безумье просто, Не страшно ужасы вершить, Не сложно душ разрушить остов — Лишь нитью всех одной прошить!

Держа друг друга в оправданье, Сползают, как живая сель. Но не ослабнет их рыданье, И не смягчится их «постель».

Грехи не делятся на души – Они у каждой нелегки. И ваш отряд их не затушит – Тут бьются ангелов полки!»

Когда он всех отнес подальше От этой пропасти-тюрьмы, Взметнулся ввысь! Мы вновь на марше... Задумавшись, что значит «Мы».

О людях, захваченных песками сует

Дорога сделалась песчаной, И при ходьбе песок хрустел. А в памяти моей печальной Негромко мальчуган запел...

Я вспомнил, как в далеком детстве Ходили мы с отцом на пляж. И был тогда я в странном действе, Что приоткрыл мне мира Страж:

Вдруг небо становилось выше, И отдалялась гладь реки, Я в этот мир из дома вышел... Как горизонты далеки!

И в небе мерно разливался, Как в океане, низкий гул — Не знал я, как он назывался, Но будто часть его вдохнул.

И был песок кругом и всюду, Как времени весомый знак. Я эту пору не забуду... Но здесь мы отвлеклись. Итак.

Герои шли вперед отважно, Да вот песок совсем просох, И было им идти неважно: Всё больше утопал носок.

Здесь из песка вставали горы И величавые хребты. Но становились очень скоро Пространства здешние пусты:

Сдувались ветром великаны, Как будто не были вовек. Следы их зыбкие песчаны, И не заметен тихий бег.

Идти же было всё сложнее – Стопа тонула на вершок.

Казалось, что уже на шее Того песка висел мешок.

Песчаное пустое море, И замерла на глади рябь. Похоже, всё застынет вскоре, И всё всосёт земная хлябь.

Еще, почти что как в пустыне, Вставали часто «миражи» — Не вышло в явь ничто доныне: Ни мёд, ни хлебные коржи.

Всё порождал песок сыпучий, И уходило всё в песок. Бывало, подходила туча, Когда песчаной бури срок.

Пласты песка сдувало бурей. Но сыпался песок опять, Такой же тяжкий, пыльный, бурый – Не изменить и не унять.

«Кого-то вижу – посмотрите! – Сказал Медведь, – стоит в песках. Да это женщина! И нити И на ногах, и на руках,

Как будто бы незримо держат, Не позволяя сделать шаг. Еще немного, и одержит Победу неизвестный враг! Как к ней пройти? Найти бы тропку...» Пошли тихонько напрямик. Но становилось очень топко – Поверхность углублялась вмиг.

«Да тут страна песков сыпучих! Что наподобие болот. Трясина их сожрет, могучих И смелых! Это же проглот!» —

Один из спутников поведал Об этих гибельных местах. И в подтвержденье «пообедал» Песок ботинком – на глазах!

«Пройти туда совсем не просто. Как эта женщина стоит?» — «Наверно, там возникнул остров…» — «А вот она нам говорит!»

«Здесь суетой песок творится: Пустые дни ему в зачет. Бывает, жизнь и долго длится, Но между пальцев всё течет.

Свои потратила я годы И на детей, и на семью. Но почему-то Неба своды Отвергли жертвенность мою.

Хотела, было чтоб не хуже, Чем у знакомых и родни. Порой не замечала мужа... Но ведь мы были не одни.

Престижную нашла работу, Пусть своевольно, для детей. Но кто проявит к ним заботу?! А для возвышенных идей

Уж не было ни сил, ни воли:
"Да не двужильная же я!
А как в моей иначе доле?!" —
Так завершилась жизнь моя.

Так говорила я когда-то. Теперь иное поняла. Но не вернуть обратно даты. Меня пустыня обняла.

Сыпучий ворог окружает — Всё меньше твердый островок. И сколько мне... — никто не знает. Пустыней стал и этот срок».

Все стали думать, что же делать, Что ставить против суеты. Песок тут всё готов отведать И всех, кто с суетой «на ты».

> Мельчить нельзя, иначе — гибель: Носком не встать — уйдешь по грудь. Необходимы только глыбы, Несущие живого суть —

Всего себя поставить против Сыпучего песка сует!
Лечь на него при полном росте — Таков и должен быть ответ!

И все легли, как строчки песни, Взирая в направленье Ost.

То было не под силу бездне. Построился дышащий мост! У женщины душа воспряла, Когда спаслась из западни. Уже заря вставала ала, И новые спешили дни.

Стояли все на горизонте – Такое можно только тут. Но вы пока его не троньте: Друзей слова посланья ждут!

Слова слетели, будто птицы, И загудел, светясь, эфир: «Вы не забудьте помолиться. Теперь шагните в новый мир!»

